

Анатолий Казьмин

СОБСТВЕННАЯ
Є.И.В. КОЩЕЯ

КАНЦЕЛЯРИЯ

16+

Анатолий Антонович Казьмин
Собственная Е.И.В.
Кощея Канцелярия
Серия «Канцелярия Кощея», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42155003
SelfPub; 2019*

Аннотация

Тайный сыск царя Гороха, дело о перстне с хризопразом, заговор черной мессы... Помните такое? Альтернативный взгляд на происшедшие события, описанный лично Статс-секретарём царя Кощея, Захаровым Фёдором Васильевичем. Бывший студент, компьютерщик Фёдор, волею Великого и Ужасного Кощея, попадает в древнерусское царство-государство, где ему предстоит не только постараться ужитья во дворце Кощея с монстрами и весьма необычными коллегами, но и воевать в столичном городе Лукошкино с самим Вельзевулом!(Обложка разработана автором книги на основе свободных материалов сети Интернет)

Меня разбудил Дизель. Да, да, именно с большой буквы. Потому что Дизель, это не мотор, как вы могли подумать, а имя. Имя моего скелета. Ну, в смысле не моего скелета, конечно, а моего работничка, который натурально и является скелетом.

Уф-ф-ф...

Давайте лучше я расскажу по порядку.

* * *

Проживаю я сейчас во дворце царя Кощея, Великого и Ужасного. Великий и Ужасный – это не официальный титул это я, прикалываясь, изредка так его называю, а Кощею нравится.

Дворец тот находится внутри Лысой горы, которая в свою очередь расположилась среди довольно мрачного и труднопроходимого леса, хотя центральный вход её и выходит на пустое пространство. То ли огромная поляна, то ли поляна, плавно переходящая в степь. Я еще толком не разобрался за месяц пребывания тут на посту главы Собственной Его Императорского Величества Кощея, канцелярии. Это – официальное название моего подразделения, где я ношу, опять же официальный чин – Статс-секретарь. Но о том, как я докапывался до такой жизни чуть позже.

– Федя, внучек, чайку не желаешь?

Ах да, прошу прощения, не представился.

Захаров Федор Васильевич. Не женат, не судим, не привлекался, не состоял. Всего пару лет назад закончил факультет защиты информации в своём родном южном городе, сменил несколько мест работы, пока стараниями Кощея не оказался тут. Вот, наверное, и всё описание моей жизни.

– Ага, Михалыч, спасибо, давай.

Дед сразу засуетился, зашаркал валенками по мраморному полу и через пять минут передо мной уже стояла кружка исходящая ароматом крепко заваренного чая, а рядом прилегла тарелка с невероятно аппетитными оладиками.

– Ну-ка, ну-ка, – Михалыч решительно сдвинул в сторону клавиатуру и мышку. – Ишь, раскидал свои бесовские железки... На от, мёд гречишный, да варенье малиновое.

– Осторожней, дед! Сломаешь, я новые тут у вас нигде не найду. Кощей тогда по головке не погладит... Ух, запах-то какой, а, деда?!

– Вот и наворачивай, внучек, а то скоро тощее Дизеля будешь.

Это мне привет с Кошеевой кухни от самого шеф-повара Жана-Поля де Баца. Иван Палыча по-нашему. Сегодня местная кухня балует меня вареньем и мёдом, а вот оладики – это фирменное дедово блюдо.

А с Иван Палычем мы в дружбе. Я ему подкидываю рецепты из своего времени, а он меня балует всякими вкусностями. Ну а Михалыч гоняет за ними своих подручных, двух мелких бесов, Тишку да Гришку. Ну, это те еще кадры для

отдельного рассказа. Но носятся они по дворцу, как байты в процессоре, фиг догонишь. Одного только Михалыча и слушают, у него не забалуешь. Нет-нет, Михалыч не зверь какой, наоборот, низенький такой старичок с длинной бородой и прищуром, как у дедушки Ленина. Но прибить может легко, если найдется сумасшедший против него пойти.

– Ох, деда, спасибо! Вкуснотища-то какая! – прочавкал я, жуя седьмой оладик.

– В варенье, в варенье-то мажай. Иван Палыч велели передать, что малинка в ём ажно с самой Тмутаракани привезена, с самых югов. Кушай, родимый, кушай.

– Всё, деда, накормил, спасибо. Некуда больше... Ну правда, некуда... И медку больше не хочу... И быстренько колбаски тоже не надо... Михалыч! Мне работать надо!

Ох, раскабанею я на дедовых оладиках, а спортивных залов тут не найти и фитнес клубов отродясь не было, а образ жизни у меня в основном сидячий, как и положено хорошему компьютерщику, вот и...

О чем это я? Ах да, Кощей.

Так вот, сама Лысая гора и прилегающие к ней окрестности находятся в укромном уголке полусказочного русского государства, которым в настоящее время правит царь Горох в своем столичном городе Лукошкино.

Правда Кощей категорически отвергает эту версию политического устройства государства, утверждая, что правит тут только он, настоящий царь, а сам Горох – всего лишь жалкая

личность, озабоченная только непомерным пьянством да забавами с дворовыми девками.

Может быть и так, конечно, спорить с Кощеём не буду, я не враг себе. Только мне видится немного другая картина мироустройства в этом отдельно взятом государстве.

Официально царём тут работает именно Горох и с юридической точки зрения и с фактической. И послов иностранных принимает, и договоры со странами разными заключает, и указы издает, казнит, милует, армию содержит да и все остальные функции, характерные для главы государства, выполняет.

У Кощея все эти государственные функции тоже выполняются, но только по-тихому, не напоказ. Вчера, например, пинками прогнали посла какого-то Подгорного Царя, уж и не знаю, что за царь такой, не вникал. Указы – тоже обычное дело, сейчас я как раз оформлением их занимаюсь. Казнить кого – запросто, помиловать – значительно реже. А про армию я вам чуть позже расскажу, но есть и армия у царя-батюшки, уж поверьте.

Так что, Кощей, он тоже правит и власть имеет не малую хотя, на мой взгляд, царём его называть не верно. Самая близкая к нему аналогия – мафиози. Только не какой-нибудь дешёвый Аль Капоне, а эдакий, крутой отец криминалитета всего государства. Так что, если и царь он, то воровской. Но сил, влияния и богатства у него не меньше, чем у самого Гороха будет. Да оно и не удивительно. И в моё время органи-

зованная преступность занимала далеко не последнее место и в экономике и в политике, да практически во всех сферах государства.

Да, моё время... Кончилось оно для меня и, похоже, навсегда. Назад мне не вернуться уже...

Я встал, оторвав усталый взгляд от мелькавших на мониторе цифр и букв, прошёлся по кабинету, разминая ноги и утрясая оладки и, едва успел сесть обратно за комп, как в коридоре раздался торопливый цокот и вскоре уже кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь. Ну, кто-кто? Скелет, конечно. Я уже наловчился их различать по клацанью костяшек по мраморному полу. Раз скелет значит, от Кощея и тут капризничать и медлить нельзя.

– Деда?

– Иду уже, иду, родимый.

Загремел засов и в кабинет протиснулся скелет в образе гонца или гонец в образе скелета, как вам удобнее будет, и тут же завертел головой, не обращая особого внимания ни на меня, ни на Михалыча. Ну, понятно, это он моего Дизеля высматривает.

Дизель, получив постоянную работу и персональное имя, моментально стал знаменитостью среди всех дворцовых скелетов. Это как раз было и не удивительно. У скелетов-то тут жизнь какая? Эй ты, взял вот это и отнёс вон туда или вон того руби, а того кусай, вот и все радости жизни. Пардон, не жизни, конечно, какая уж жизнь у скелетов? Одно тоскливое

существование, а не жизнь. А тут мой Дизель во всей красе, как подсолнух среди бурьяна расцвел. А им удивительно и завидно, вот и бегают при каждом удобном случае на него подивиться.

– Ну чего тебе?

Скелет протянул мне клочок бумажки, на котором каллиграфическим подчерком было написано: «Ко мне, живо».

Ну, точно, Кощей.

– Деда, я к Кощей, зовёт зачем-то, а ты пригляди тут, чтобы твои башибузуки по клавиатуре не скакали, ладно?

– Иди-иди, внучек, не переживай.

На самом деле бесенята, получив от Михалыча хороший такой нагоняй после первой же проказы, теперь мой стол обходили стороной, но покомандовать я же должен? Для порядка.

– Ты уж, поспеши, Федь, Кощейюшка ждать не любит. Как бы не осерчал.

– Да иду я, иду.

– Может, Машу возьмешь с собой? Мало ли что...

– Это что, например?

– Ну, мало ли...

Маша, сидящая на диване и старательно полировавшая когти, подняла на меня вопросительный взгляд.

Нет, я не оговорился, именно когти. Ногти у Маши тоже были, а вот когти, здоровенные такие, как у пантеры какой, Маша выпускала по необходимости. Ну, разодрать там ко-

го, свежей кровушки напиться... Шучу-шучу, не пугайтесь. Маша у нас хоть и происходит из древнего вампирского рода, но волей обстоятельств является вегетарианкой и, если и раздрает теперь что, так только яблоки и груши на фруктовый салатик. Хотя при необходимости, может и десяток здоровых мужиков порвать. Но до этого, слава богам, у нас пока не доходило.

Я отрицательно помотал головой в ответ на её взгляд. Я же не в бой иду или там, в разведку, а всего лишь к своему работодателю.

А работодатель мой как вы уже, конечно поняли, Кощей и есть.

И затащил меня сюда именно Кощей, угробив на эту операцию переноса целую кучу ценных амулетов и редчайших, одноразовых заклятий. А когда увидел результат своих стараний, то так орал и плевался, что призраки в ужасе забивались в щели, скелеты рассыпались на косточки, а чёрные рыцари-зомби, завывали почище пароходных сирен в день празднования Дня военно-морского флота.

Но дело уже было сделано, а повторить подобную операцию в ближайшее время, Кощей не мог и пришлось ему в итоге довольствоваться тем, что было. Мной то есть.

Большим начальником я у него заделался не сразу, конечно. Сразу он меня съесть хотел. Нет, не в переносном смысле, а в самом, что ни на есть буквальном. Он у нас такой, он может.

* * *

Я вышел из кабинета и быстро зашагал по нашему коридорчику, ведущему в один из главных коридоров, с удовольствием оглядываясь по сторонам.

Ух, тут вначале и грязища была! Чуть ли не болото, а под стенами было навалено столько мусора, что передвигаться приходилось по узенькой тропинке.

Это Маша, умничка, в первый же день Дизеля у меня забрала и порядок тут навела. Да и сейчас каждый день бесенят Михалыча чистоту поддерживать заставляет.

А вот дальше в большом коридоре там бардак так и остался.

Я еще в самый первый раз, когда меня тащили за Кошчем в его кабинет рыцари-зомби из его личной охраны, заметил всю эту грязь и мусор и даже смог удивиться, хотя тогда мне было уж совсем не до окружающей обстановки.

А до чего было? Да ни до чего, если честно. Просто пытался понять, что происходит.

Я тогда как раз работал у геологов в выездной партии. И был у меня свой, хоть и маленький, всего десять шагов в длину и три в ширину, вагончик, забитый различной аппаратурой. Зато уютный и обустроенный мной именно так, как и хотелось. Не вычислительный центр какой-нибудь, конечно, но в наличии имелись и хороший комп, сканер с двумя прин-

терами, куча железок в запас, картриджи для принтера, мотки проводов и даже бензиновый движок с генератором для питания всего этого оборудования. А как же, мы же не в городе работали, а на выезде.

К геологии я имел отношение постольку, поскольку удавалось постоять рядом с настоящими геологами. Вот они и впахивали в основном. Ну а как компьютерный специалист на все руки, я без дела тоже не сидел. Ребята данные приносили, а я их тут уже обрабатывал да в базы загонял, таблицы всякие составлял. Скукотища, конечно, но платили хорошо, да и команда у нас собралась приятная.

А в тот день, когда я к Кощею-то попал, ребята в поле работали, а я, пользуясь моментом, завалился на крохотный топчанчик, который они мне соорудили по моей просьбе. Сидеть на нем было удобно, а вот лежать, только свернувшись калачиком, но меня это не смущало и я уютно так на нем расположился, чтобы вздремнуть часок-другой. И тут как завыло, засвистело, загудело! Вагончик подкинуло, завертело в воздухе и я остро проникся ощущениями девочки Элли, которая со своей верной псиной Тотошкой оказалась в подобной ситуации.

Продолжалось это недолго и вскоре вагончик мягко опустился на землю. Я сидел на полу, вцепившись за стойку с запчастями, совершенно не понимая, что происходит, а мысли мои метались между тропическими ураганами и мной, таким предусмотрительным, закрепившим всю аппа-

ратуру. Именно аппаратура почему-то волновала меня больше всего в этот момент и я, вскочив, тут же бросился проверять последствия катаклизма. Всё было в порядке, не считая нескольких железок, свалившихся с полок. На самом деле тут удивляться было нечему: вагончик перетаскивали с места на место с помощью трактора и всё было надёжно закреплено. Ну и славно. Я удовлетворенно кивнул и тут раздался стук в стену вагончика и кто-то властным голосом, хотя и несколько неуверенно, произнёс:

– Кто-кто в теремочке живет?

Вот это и был мой нынешний работодатель, Великий и Ужасный.

* * *

Я хмыкнул про себя, вспоминая свой первый день во дворце.

Сейчас-то я шагал, гордо выпятив грудь, высоко подняв голову и смотря строго вперёд, а дворцовая нечисть, все эти, пробежавшие по делам скелеты, монстры самых различных мастей, и прочие местные кошмарики, завидев меня вжимались в стены и угодливо кланялись. Всё правильно. Не абы кто идёт, а вышагивает сам Статс-секретарь Его величества Кощея!

С дисциплиной во дворце было всё в порядке. Не так глянешь на вышестоящего и сожрут. И повезет если сразу. А

могут и не спеша по кусочку отгрызать.

Я уже и привык как-то. А что нормально всё. Порядок быть должен. Пусть свой, странный и зловещий, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят же, верно? Хотя монастырём Кошечев дворец и не назвать, конечно, ну вы меня поняли.

Но это сейчас я тут уже освоился, а вот тогда, как только я сюда попал...

Описывать в каком я находился состоянии после нашего знакомства и прогулки по дворцу Кошечя, я не буду. Как требовал по очереди вызвать адвоката, полицию и нашего консула в этом захолустье, тоже не стану. Стыдно. Хотя, чего тут стыдиться-то? Вот представьте, сидите вы себе спокойно, занимаетесь своими делами и вдруг бац! и вокруг мрачное подземелье с пусть и роскошными, но не менее мрачными и зловещими залами, по которым вас тащат за типом представляющим из себя скелет обтянутый кожей, которого даже доспехи не делают краше или хотя бы поупитаннее. Мало того, тащат вас здоровенные такие мужики в черных рыцарских доспехах и плащах, да десяток самых настоящих скелетов с топорами и саблями в руках. Да и вокруг мелькают носящиеся по каким-то своим делам такие чудища, что и смотреть-то на них страшно, а не то что детально описывать.

За месяц моей дворцовой жизни я пообвык и на всех этих монстров да зомби смотрел без особого страха. Противно – да, страшно – нет. Человек-то ко всему привыкает быстро.

Тем более закаленный на голливудских ужастиках. Но всё равно выйдя к кабинету Кощея, я облегченно вздохнул и поёжился. Мерзкая всё-таки эта нечисть.

Почему кабинет, а не тронный зал или там царские палаты какие-нибудь? А не знаю. Думаю, просто удобно было тут Кощею. Нет, был у него и тронный зал и куча других различного назначения, но там я Кощея почти не видел, а вот в кабинете постоянно.

Натурой он был увлекающейся, склад ума определенно близок к научному, а уж как он загорался новыми идеями любо-дорого было посмотреть.

Сам кабинет был просто завален рукописями, свитками, манускриптами. Стол так почти целиком скрывался под ними. Да и вдоль стен на стеллажах вперемешку с книгами да с какими-то довольно мерзкими чучелами стояли всякие колбы, мензурки и прочая алхимическая посуда. Тут же находился и очаг, над которым висел приличных размеров котёл, радостно булькая вонючим варевом.

Мечта классического сумасшедшего учёного, одним словом.

Вот во всем этом великолепии и обитал Кощей, пока находился во дворце.

Ну а у двери кабинета обычно околачивался его дворецкий, или может камердинер, не разбираюсь я в этом, высокий такой тощий мужик Гюнтер. Вечно во фраке, с надменной рожей и мерзкими усиками, он жутко раздражал меня

своим высокомерием, посматривая на всех как на надоедливых букашек, копошившихся под ногами.

Вот и сейчас презрительно глянув на меня, он уже двинулся к двери кабинета с докладом, но я, опередив его, заорал:

– Его Ужасного Всемогущего Величества, Статс-секретарь по вызову!

– Давай-давай, заходи, – послышалось из кабинета.

И я, едва сдерживаясь, чтобы не показать язык, прошёл мимо красного от злости Гюнтера.

– А, явился, не запылится, – поприветствовал меня Кощей, расхаживая по кабинету. – Садись.

– Ваше Величество, – кивнул я в ответ и уселся в кресло рядом со столом. – Случилось, что?

– Случилось. Писульку я твою вчерашнюю разобрал, так и эдак вертел и получается, Федор Васильевич, что прав я был на счёт этого адского племени.

– Да? – Я постарался вспомнить текст очередной расшифрованной записки. – Что-то я там ничего такого особенного не припомню.

– Да ты внимательно ли читал? Не помнит он... О Бегемоте слова видел?

– Ну да, был там бегемот. Хотите назло врагам спереть его из Венского зоопарка да на шашлыки пустить? – хихикнул я.

– На шашлыки, Федя, я тебя пушу, если и дальше изгаляться будешь. Картина-то ой какая серьёзная вырисовывается.

– Всё-всё, – я примиряюще выставил перед собой руки. – Виноват, Ваше Величество. Рассказывайте.

Я к этому времени был уже в курсе общей ситуации, сложившейся в теневом государстве Кощея. Коротко говоря – начался передел зон влияния.

Тёмные силы Запада, так сказать коллеги Кощея по бизнесу, давно уже облизывались на лакомые восточные земли, но на их пути незыблемо стояла не только сама Русь, но и воровское государство Кощея, совершенно не хотевшего потерять свою вотчину.

Когда вся эта сатанинская империя просвещённой Европы науськивала на Русь, например тех же рыцарей или турок или прочих любителей пожить за чужой счет, то отпор им давала не только царская армия, но и воровская Кощея. Мало того, он подымал на борьбу и леших, и водяных, и кикимор и прочую нашу нечисть, и захватчикам в итоге приходилось ой как не сладко.

Веками царил относительный баланс между мировыми силами, но в последнее время стал Кощей подмечать нечто странное.

То польские черти забредут на наши земли, то финские болотники просочатся, а то и целые бригады всякого жулья и воря гастролировать по пограничным землям начнут. Вроде бы и ничего и не раз их слуги Кощевы гоняли, да только уж больно массовыми такие нарушения границ стали. А тут еще и старые дружки Кощея с тех земель шепнули, что

собирают адские силы против него войско. Кощея погубить хотят, земли его под себя подмять, а всю Русь под удобное и привычное им католичество окрестить.

А последним тревожным звончком для Кощея оказался вдруг неведомо откуда взявшийся милиционер Ивашов, объявившийся в Лукошкино и, как я понимаю, выходец из моего мира. Он, быстро выдвинувшись в фавориты Гороха, сумел наладить и патрульно-постовую службу с помощью приданной ему стрелецкой сотни и, что более важно, собирался со своей опергруппой устроить настоящую охоту на самого Кощея.

Как он сюда попал в эту сказочную Русь, доподлинно известно не было, но Кошей был уверен, что переместил его сюда кто-то из высших чинов ада воинства специально для подрыва власти Кощея.

Благодаря успешным мероприятиям и действиям лукошкинской милиции, несколько десятков воришек, жуликов и грабителей загремели на каторгу, а кое-кто и на плаху. А некоторые из лихого люда задумались и вообще забросили своё воровское ремесло, подавшись, кто в хлебопашцы, кто в мастеравые, а кто и в купцы.

Убыток для Кощея был мизерный, но и приятного в этом ничего не было.

Только сейчас речь шла не столько об участковом этом, сколько о его окружении. Точнее – о любимом коте бабы Яги, у которой и квартировал Ивашов.

– Бегемот, Федор Васильевич, – объяснял мне Кощей, – это вовсе не та мирная животинка, что в Африках водится, а самый, что ни на есть адский демон и далеко не из слабых.

– А, это тот, что черным котом прикидываться любит? – щегольнул я знаниями из знаменитого романа.

– Молодец, – одобрительно кивнул Кощей. – И котом тоже.

«Надо же», – подумалось мне, – «Как Михаил Афанасьевич угадал. А может и не угадал, а знал?» После своих приключений я уже был готов поверить во что угодно.

– А что, Ваше Величество, этот Бегемот-то опасен для нас?

– Да не то что бы... Да это и не главное, опасен, не опасен... Просто, раз появился он у меня, значит, затевается что-то. И это хорошо, вот только точно знать мне надо.

– Хорошо? Запутался я что-то...

Кощей отмахнулся:

– Потом поймёшь.

– А что же можем сделать, Ваше Величество? Поймать и допросить?

– Поймаешь его, – досадливо протянул Кощей. – Демон он, а не кот бродячий. Хотя с котами я тоже на всякий случай решил подстраховаться.

– Это как?

– Шамаханьки мои в Лукошкино засланные, тишком отлавливают котов черных да мне приносят, а я уж тут проверку

им устраиваю, настоящий зверь это или зверь адов.

Шамахань это такие воины Кошечевы. Я так толком и не понял про них, откуда они взялись, да и вообще кто такие. Люди вроде бы, похожие на татаро-монгольских агрессоров, но не они точно. С кочевниками Востока шамахань бились насмерть и границу воровской империи, проходящую по Волге, держали крепко, не позволяя никакой орде хозяйничать на Кошечевой территории. А, кроме того, служили эдакими летучими отрядами да диверсионными группами для выполнения разных тёмных Кошечевых делишек.

– Как же вы котом проверяете, Ваше Величество? – хихикнул я, – За хвосты дёргаете? Мяукнет – кот, заматерится – демон?

– В святой воде варю, – буркнул Кощей, кивнув на котел над огнем. – С шалфеем и осиновыми ветками. Никакой демон такого не выдержит.

Ой, фу-у-у...

– Жалко же котиков, Ваше Величество!

– Мне себя жалко, – резко сказал Кощей. – Да и себя пожалей. Доберётся Сатана до меня и тебе не сладко придётся, уж поверь.

– Верю... А где же вы воду святую взяли?

– Михалыч мне освящает по необходимости.

– Михалыч?! Он что, поп что ли?

– Был когда-то, – кивнул головой Кощей, довольно скалясь. – И не только попом.

Оказалось мой Михалыч, которого я за простого дедка принимал, невесть как прибившегося ко дворцу, на самом-то деле был самой настоящей легендой воровского мира. Был он гениальным медвежатником и сейфы щёлкал как орехи. Имя его лет тридцать назад среди воров гремело от Варшавы до Лиссабона. Умел и удачлив был, долю свою Кощею честно отдавал, а остальное прокучивал да раздаривал направо и налево. А к старости вернувшись на Русь, взял неожиданно для всех завязал да ушёл в монастырь.

Исчез знаменитый вор Щелкунчик, а появился в далёком монастыре брат Акакий.

Пять лет честно богу служил Акакий, а потом какой-то конфликт у него возник с настоятелем.

– Разругался он со своим церковным начальством, схватил казну монастырскую да ко мне подался, – закончил свой рассказ Кощей.

– Силён Михалыч, – уважительно протянул я. – А как же вы сами, Ваше Величество со святой водой работаете? Вы же, простите, нечисть.

– Терпимо, – коротко ответил Кощей. – Только чешусь потом сильно.

Сложилось так, что сила у Кощея была еще древняя, со старых языческих времен, а все нынешние молитвы, иконы и прочие церковные атрибуты, действовали на него скорее неким раздражающим фактором, нежели опасным. Ну, как та чесотка, о которой он говорил. А вот что-нибудь из стари-

ны, было крепко повязано с Кощеем. Крик петуха, например, вводил его в непереносимое паническое состояние и Кощей готов был бежать сломя голову лишь бы не слышать эти петушиные вопли.

Адские же силы наоборот были крепко повязаны с церковью, особенно с католической. Можно сказать и те и другие черпали силы из одного источника.

Церковь с адом, поэтому вполне эффективно боролись друг с другом, а вот напасть на Кощея, как и ему на них можно было только обычными способами. Ну, бомбу на крыльцо подкинуть, в чай плюнуть или дрожжей в туалет насыпать. Шучу, шучу. Ну, вы меня поняли.

– Так вот, Федор Васильевич, – продолжил Кощей. – Соберайся-ка ты в путь-дорогу. В Лукошкино поедешь.

– Как?! Зачем?! Когда?!

– Затараторил... Сегодня на закате и отправишься. Бери вампиршу свою, Михалыча и в путь.

– И что я там делать буду? Меня же поймают, Ваше Величество! А как узнают, что я на вас работаю? Мне же голову враз отрубят.

– Не отрубят. На кол посадят и всех делов.

– Вот спасибо, Ваше Величество, утешили.

– Не трясись. Не будешь дураком, не поймают. Да и кому ты там нужен? Кто тебя знает?

– Ну всё равно... А что я там делать буду?

– Перво-наперво с Бегемотом этим разберёшься.

– А пулемёт дадите?

– Чего?

– Я говорю, а как же мне с ним разбираться с демоном-то? Библией по башке лупить?

Нет, представляете?! Я от местных монстров едва перестал вздрагивать при встрече, а тут пойдя да завали настоящего демона! Так, по-простому, пойдя и разберись.

– Не нужно никого лупить, – утешил меня Кощей. – Мне, Федя, нужно точно знать, объявился Бегемот в Лукошкино или нет. Важно это очень.

– А как же я узнаю? Объявления по всему городу развешаю мол, ищется демон, имя ему – Бегемот, кто увидит такого – получит мешок денег?

Кощей прищурился:

– Вот слушаю я тебя и сомневаюсь, а правильно ли я сделал, что к себе взял? Ты головой-то попробуй думать хоть иногда. Котов я там всех извёл кроме этого бабкиного при милицейском участке, вот его одного и проверить надо. Может тебя и правда на шашлык отправить пока не поздно? Так ты только скажи.

– Ну что вы сразу на шашлык, Ваше Величество, – виновато протянул я. – Не подумал я, каюсь. Запаниковал маленько.

– Ладно, ладно. Там и без тебя кота проверят, а тебе только и надо будет, что присмотреть за работой да мне доложить.

– Ну, вроде не сложно...

– Но это не всё. Осмотришься там, как обстановка в городе, как мои шамаханы народ мутят, не слышно ли чего о сатанинском сброде всяком.

– Хм-м, Ваше Величество я же совсем не в курсе, что вы затеяли. Вы хоть в общих чертах меня просветите, а то буду я там высматривать совсем не то, что нужно.

– Верно. – Кощей забарабанил пальцами по столу. – Слушай тогда.

Разрабатывать свою тайную операцию Кощей начал еще год назад. Решил он раз и навсегда отбить охоту адским демонам лезть на его земли. Империя наносит ответный удар, блин.

– Убить-то демона я не убью, не под силу мне это, а вот врезать ему хорошенько, чтобы он и сам забыл дорогу ко мне да и другим отсоветовал на моё добро зариться, это можно. По всем канонам христианским, – Кощей сплюнул, – можно.

И были им посланы мастера тайных дел сначала в Константинополь к патриарху, а потом даже и в Ватикан с задачей найти оружие против демонов. Да не просто найти, а и украсть, купить, короче добыть любым способом и сюда Кощею доставить.

– Ну и, Ваше Величество, неужто удалось?

– А то! Всё сделали молодцы, нашли через продажных людишек артефакт древний еще с библейских времен, да и выкупили. Денег отвалили... Но оно того стоит.

– И что же там за штуковина такая?

– А вот с ней мы с тобой и будем разбираться. Уже вот-вот привезут. Доложили, что границу Польши пересекли и уже по моим землям движутся. Значит, дней через пять, через недельку крайний срок, будет у меня оружие на демона.

– А Бегемот-то тут при чем?

А Бегемот оказалось, особо и не при чем. Чтобы наказать демона, его надо было сначала сюда на Русь заманить, а потом уже устроить эдакое показательное побоище. Раз объявился Бегемот в Лукошкино, значит, началась их атака на Кощея и можно уже ловушку ставить на них.

– Шамахань мои по всему Лукошкино носятся, слухи об орде разносят, панику сеют. Надо мне чтобы всем ясно было мол, иду я на Гороха, вот-вот город захвачу и сам править там буду.

– Непонятно, как-то, Ваше Величество... Вы же отпугнёте всех демонов такой активностью.

– Ага! Вот и ты так подумал! – Довольно закивал головой Кощей, аж золотая корона на глаза сползла. – А теперь представь, что даст Горох мне отпор да погонит за леса за моря. А?

– Ух ты! Понял, Ваше Величество, понял! Ух, закрутили-то как! Получается, что после поражения будете вы обессилены, и кто угодно приходи и бери вас голыми руками?

– Точно. Вот и думаю не удержатся демоны от такого соблазна да полезут в Лукошкино, а я их там уже и ждать буду.

Демоны раньше или позже, но всё равно на Кощея войной пошли бы, а тут он сам место и время им подготовил, приходите, гости дорогие, берите и владейте. А сам с обрезом за углом стоит, поджидает.

Вот чтобы и показать активную деятельность Кощея, ну прямо вот-вот собирающегося напасть на Лукошкино, и действовали диверсионно-разведывательные шамаханские группы прямо под носом у Гороха.

Они там такого наворотили...

– Горох в пьянстве да дворовых девках погряз, а Никитка, участковый его, совсем уже мышей не ловит. Лихих людишек хватает, когда может, а угрозы от меня не видит. Тишина и покой в Лукошкино, а мне надо наоборот. Чем больше шума и паники, тем лучше.

И замутил Кощей там такую интригу, что и разобраться-то вот так просто не получится. Шамаханы, оказывается, умели менять облик и прикидываться любым человеком. Ну не все, конечно, а специально обученные. Вот они наметили себе первую цель – думного дьяка Филимона, человека никудышного, склочного, зато вхожего в царский дворец. Самого дьяка каждый день поили крепко да мало того, еще и в самогон какого-то дурмана подсыпали. На дармовщинку-то дьяк и рад был стараться да и напивался ежедневно до полного умопомрачения, а шамахан в его личине тем временем дела свои и проделывал.

– Есть там, у Гороха боярин один, Мышкин. Тупой и ле-

нивый, как и все бояре в Думе. Вот и пригрозил ему мой молодец под видом дьяка мол, должен ты, боярин украсть сундук золота да положить его в указанное место, а не то живо донесу Гороху как ты, расставляя охрану у казны, сам, тем временем руку в неё запускаешь!

– А что, боярин этот и правда, таскал из казны?

Кощей поглядел на меня как на маленького.

– Понял, понял. Таскал, конечно же, боярин золотишко. Ну а дальше что?

– Таскать-то таскал, только понемногу, меру знал. А тут на тебе, целый сундук с тремя сотнями червонцев. Пропажу сразу заметили. Ну и началось.

Мало того, что боярина и дьяка обмануть удалось, так ребята Кощей еще и переманили на свою сторону самого царского казначея, некоего Тюрю. Много-много денежек пообещали, аванс выдали да намекнули на тёпленькое место рядом с Кошеем и Тюрю, недолго думая к нам и переметнулся.

– Гнилой он человечешко, не верю я ему. Но пусть пока будет. С ним ты, Федор Васильевич тоже дела иметь будешь. Послушаешь, что он сделал, посоветуешь, что еще сделать надо, да и вообще присмотришь за ним.

– Понял...

Шамахан тот, что под дьяка косил, еще увёл у Гороха колечко какое-то волшебное. Кто то колечко на пальце носит, тот реальность, как есть видит. Тёмную материю или бозон Хиггса вряд ли разглядеть получится, а вот шамахановы ли-

чины, к примеру, это кольцо сразу распознаёт и показывает своему владельцу настоящий облик.

Толку от него мало было, ну не будет же Горох с ним по городу бегать врагов высматривать. А во дворце тот шамахан-дьяк и так царя сторонился. Но вот сама пропажа такой редкой штучки должна была насторожить участкового и придать следствию нужное направление. На Кощея как раз.

– Вот и молодец. А теперь одевай-ка ты свой мундир генеральский, да отправляйся не мешкая.

– К-к-какой еще мундир?

– Пред шамаханами должен ты во всей своей воинской красе предстать. Для авторитету. Это ты у меня на службе Статс-секретарь, а если перевести на военный язык, то целый генерал-поручик!

Не было печали. Да я и в армии-то не служил! Только военная кафедра при университете вот и вся моя военная карьера. И на тебе генерал...

– Ваше Величество, ну разве мало для авторитета Статс-секретаря? Может не надо генералом?

– Надо, Федя, надо.

А меня аж передернуло. Он не специально так сказал, конечно, но я с детства наслушался и «надо, Федя» и про дядю Федора с Простоквашино, да и еще и «человек и пароход» почему-то, хотя это и про знаменитого мореплавателя было, а прилипло ко мне.

– Подёргайся мне еще тут. Вот познакомишься с моими

шамаханами, потом еще благодарить меня будешь за генерала.

– Ага...

– Ага, – передразнил Кощей, – Вот увидят в тебе личность мелкую, да и сожрут без сомнений. И даже косточек не оставят. А мне обидно будет, что без меня съели и буду я ходить в грусти и печали. Хочешь, чтобы я в печали ходил?

– Давайте костюмчик.

– Вот и молодец. Иди, собирай свою ватажку, а через час жду тебя на плас-де-Роял.

– Где-где?

– На поляну говорю, выходите. Перед дворцовыми воротами.

* * *

И поплёлся добрый молодец, голову повесивши.

На самом деле шагал я быстро – час на сборы это совсем мало, пролетит и не заметишь. А мне и Машу с Михалычем обрадовать надо и Дизелю ценные указания дать, да и вообще...

Не нравилась мне эта затея. Ну, вот сижу я себе целыми днями за компом, расшифровываю потихоньку перехваченные Кощеем тайные записки его недругов, тихо-мирно, никого не трогаю и на тебе. И вдруг...

Пора, в путь дорогу,

В дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём.

ТЬфу! Не везёт.

Хотя, как говорил дедушка Эйнштейн – всё в мире относительно.

То, что я в вагончике сидел в тот момент, когда Кощей меня утянул, повезло? Однозначно. Без компа не смог бы я дешифровкой заниматься и съели бы меня точно, не найдя лучшего применения.

А то, что Кощей из сентиментальных чувств держал у себя в кабинете на стене в рамочке любовную записку от своей какой-то пассии, которая, не записка, конечно, а подруга Кощеева, зачем-то в зашифрованном виде эту записку ему отослала? Тоже повезло.

Не знаю, может они в шпионов играли, но очень ко времени мне эта записка на глаза попала. Я как-то сразу шифр в ней увидел и у Кощея поинтересовался, чего это мол, шифровка на стене висит? А он и вцепился. Оказывается, у него много уже перехваченных вражеских писем скопилось как раз зашифрованных. Вот и показывает он мне их, смогу ли прочесть? А там шифр – котам на смех, средневековой сложности. Мы в университете такое еще на первом курсе проходили. Да опять же комп у меня есть, да и наборы программ я всегда в запасе держу, ну и объяснил я Кощейю, что, скорее всего проблем не будет, только аппаратура мне нужна из вагончика.

Кощей как про приборы услышал, сразу заинтересовался.

Я же уже говорил вроде бы, что очень он всякие научные штучки любит? Ну вот.

Первый день свой в Кощеевом царстве я очень ярко запомнил.

Повёл он меня назад к вагончику, а на ходу и спрашивает.

– А где, говоришь, тебя всем этим премудростям учили?

– В университете.

– Ха, брат-студиоз?

– А вы что, тоже в университете обучались?

Кощей на ходу поднял руку и показал мне три пальца.

– В трёх?! Ну, вы даёте, Ваше Величество, – восхитился я. – В Европе?

– Болонский и Парижский да еще Веронский, магический.

Я только покачал головой. Силён Кощей, если не врёт, конечно.

Вскоре мы добрались до того огромного зала, посреди которого и приземлился мой многострадальный вагончик.

– Ну, показывай свои приборы, – скомандовал Кощей, когда мы забрались внутрь.

– Ну, вот – я указал на два стола, занятых компьютером и периферией. – Только, чтобы они заработали, надо питание подать.

– Щи с кашей, что ли?

– А? Нет, конечно. Вот, смотрите, Ваше Величество, вот это, – я указал на двигатель, – такое устройство, в которое если залить горючую смесь, то можно заставить его вращать

вон ту железку. А та железка, крутит вон то устройство, генератор называется. А в генераторе появляется от этого сила и эта сила вон по той веревочке уже и подается к моим приборам, от которой они работают. Понятно?

– Показывай, – лаконично приказал Кощей.

Ну, верно. Лучше один раз увидеть.

Я запустил движок и, дождавшись когда лампочка под толчком начала равномерно светить, включил комп.

Кощей с величайшим интересом подошел поближе и стал всматриваться в монитор.

– И что твой прибор умеет делать?

– Ох, много чего. Ну, вот, считать умеет, например.

– Считать и я умею, – отмахнулся Кощей.

Я почесал в затылке и тут меня осенило. Достал я из кармана смартфон, включил вспышку и, хорошенько прицелившись, сфотографировал Кощея. Тот шарахнулся от яркой вспышки и стал уже угрожающе поднимать руку, но я успокаивающе кивнул ему и отправил файл на печать. Принтер поворчал, пожужжал с минуту и выплюнул лист с отпечатанной на нем ошеломленной рожей Кощея.

– Вот, Ваше Величество, извольте.

Кощей недоверчиво взял лист, повертел его разглядывая, а потом расплылся в улыбке:

– Да это же я! Хорош, хорош, ничего не скажешь. В кабинете повешу.

– Ну, вот, – я развел руками, – вот такое может, к примеру.

– Нравится, – одобрил Кощей, – только баловство это. Для дела ненужная забава.

Плохи мои дела. Надо показать себя нужным, прямо-таки, необходимым.

– Ваше Величество, – взмолился я, – а давайте я ваш текст с помощью компьютера расшифрую да вам принесу? Ну, сложно так сказать, что умеет, что не умеет. Не могу я объяснить толком.

Кощей подумал и кивнул:

– Ладно. Утром чтобы был у меня с готовой работой, а не то...

– Знаю, знаю, – перебил я его. – Сожрёте.

– Скушаю, – поправил меня Кощей.

– Скушаете, – послушно кивнул я. – Только, Ваше Величество, для ускорения работы мне от вас две вещи нужны. Во-первых, текст этот на русском языке?

Кощей кивнул.

– Отлично. А еще мне алфавит ваш нужен. Не сочтите за труд, напишите, а?

Я протянул ему лист бумаги и карандаш.

Кощей повертел карандаш в пальцах, черкнул им пару раз на пробу и, склонившись над столом начал старательно выводить на нем буквы, тихо приговаривая:

– Аз, буки, веди...

Закончив, он протянул мне листок:

– Ох, смотри, Федор Васильевич, если окажется, что я зря

тут бумагомарательством занимался...

– Да сделаю я, сделаю, не переживайте.

– Ладно.

Кощей двинулся к выходу, а на пороге всё-таки бросил через плечо:

– Сожру. Ох, сожру. То есть, скушаю.

Он вышел и, не закрыв за собой дверь, поманил одного из скелетов:

– Стоишь тут. Никого не пускаешь. Когда он скажет, – Кощей махнул в мою сторону, – отведёшь ко мне.

И я наконец-то остался один. Ну как один? Со скелетом у двери. С Дизелем, кстати.

А это любовное послание я даже целиком расшифровать не стал. Нет, не потому-что сложно, какая там сложность? Каждая буква заменена цифрой, детский сад, ясельная группа. Нет, просто там текст действительно любовный, личный был.

Дословно я уже не помню, но что-то такое:

«Кощеюшка, жизнь моя!

Истомилось по тебе сердце девичье, иссохли очи от слёз горьких, когда же смогу снова увидеть тебя, злодей моей души?»

Кощей увидел, обрадовался и еще один текстик мне подкинул, потом еще один, а когда очередной приказал расшифровать, я ему и говорю мол, проблема у нас, еще чуть-чуть и перестанут мои научные приборы работать. Бензин кончил-

ся. Не у приборов, конечно, у движка к генератору.

* * *

– Босс! Шеф! Ау! Командир!

– А? Что?

Я так погрузился в воспоминания, что и не заметил, как машинально свернул в наш коридорчик и шёл ничего и никого не замечая.

А звал меня бес по имени Аристофан.

– А это ты, Аристофан? Чего тебе? Занят я.

– Так это, босс, говорят в натуре, ты на дело идёшь?

– Кто говорит?

– Ну, это... – он помахал неопределенно в воздухе волосатой лапой. – Говорят типа.

Я покачал головой. Слухи по дворцу разносились мгновенно.

– Ну да, погулять решили пойти. Выйдем на природу, шашлыков пожарим. Рыбки половим.

– Ну да, ну да, – закивал Аристофан. – Меня с собой, блин, не возьмёшь?

– Извини, Аристофан, не в этот раз.

– Без базара. Какие будут указания, типа на время твоего отсутствия, босс?

Аристофан со своими двумя десятками таких же бесов, был приставлен к нам в качестве охраны и группы быстрого

и крайне вредного реагирования.

Охраняли они нас от всех подряд, а реагировать пока было не на что, поэтому оккупировав соседнюю с нами комнату и превратив её в казарму, наслаждались бесы тишиной и покоем и целыми сутками резались в карты.

– Ну какие указания? Бди. Присматривай тут за порядком да чтобы никто не лез к нам. Скелетов к Дизелю не пускай, а то быстро тут организуют клуб фанатов-почитателей. Ну и за двумя этими мелкими пакостниками пригляди, за Тишкой да Гришкой, а еще лучше – к себе в казарму их забери на время.

Аристофан поморщился, но кивнул:

– Сделаем, босс в натуре, не волнуйся.

Аристофан, не отличавшийся высоким ростом, едва доставая мне маленькими рожками до груди, размерчик в ширину имел побольше моего двадцатичетырёхдюймового монитора и силушкой был не обижен. Кроме того он был невероятно ловок и увёртлив.

Когда я застукал его выносящим из кабинета под мышкой мой внешний жёсткий диск, я даже с помощью Михалыча не смог поймать его. Благо Дизель, став в дверях, перегородил путь к отступлению, да Маша, извернувшись, ухватила его за шею. Она так и держала Аристофана, пока Михалыч лупил его по заду ремнем, а я прохаживался рядом с одолженной у Дизеля саблей и орал:

– Пригнись, Михалыч! Дай я этому засранцу голову сруб-

лю да Кощею на стену в кабинет повешу!

После порки и моего «так и быть, на первый раз прощаю, но смотри у меня, зараза!», Аристофан проникся уважением и к собственности Канцелярии, и к нам и больше никогда не покушался на наше имущество.

На этом его проступки не прекратились, но все каверзы Аристофан теперь проворачивал вне расположения Канцелярии, хотя нам немного надоедало отбиваться от возмущенных поваров, пришедших за справедливостью или от делегации отдела утилизации и сантехники, у которых Аристофан спёр две телеги медных труб и загнал их на ярмарке в Лукошкино.

* * *

Кивнув Аристофану на прощание, я вошёл в Канцелярию. Маша так и сидела на диване только теперь не занималась маникюром, а держала в руках книгу. С двух сторон прижавшись к её бокам, дрыхли наши бесенята. А вот Михалыч стоял посреди комнаты и разглядывал, вытянув перед собой на руках, черный генеральский мундир, китель которого сверху донизу был увешан медалями и орденами. Спасибо, на спину хоть не повесили. Ох, нет, повесили. Не много, но достаточно, чтобы почувствовать себя ёлочкой на детском утреннике. Увидев меня, дед засиял как гирлянда на той самой ёлочке:

– Наградил-таки Кощей-батюшка за усердную службу?

– Наградил. И меня и тебя и Машу. Путёвками на Всероссийский курорт Лукошкино. Собирайтесь, через час выходим.

– Ась? Чегой-то ты, внучек, загадками говоришь...

– Собирайтесь, собирайтесь. Отправляемся мы втроём в Лукошкино на несколько дней. На особо тайную и важную операцию.

– Охти ж мне!

Михалыч взмахнул руками.

Китель забрякал медалями.

Маша недовольно оторвалась от книги и пихнула локтями бесенят.

Бесенята проснулись, недовольно заверещали и спрыгнули с дивана.

– Михалыч, ты уж прикинь, что там нам с собой взять надо, хорошо? Мы там с шамаханами работать будем, для них и мундир этот, для авторитету. А потом еще и по городу ходить придется, тоже одежда нужна для этого. И мне и Маше.

Маша недовольно зашипела, демонстрируя острые клыки. Ага, клыки у неё тоже были выдвигаемые. И крылья, кстати тоже.

Маша была сербской вампиршей. Или вампирессой, как там правильно? А, не важно.

По-настоящему звали её Марислава – очень милое, на мой взгляд, имя, но сама она представлялась на французский ма-

нер Марселиной, и из вредности я тут же окрестил её Машей, на что она первое время фыркала и шипела, а потом ничего, успокоилась и отзывалась уже нормально.

Была она высокой девушкой лет двадцати. На вид, конечно. Как потом оказалось, ей уже давно перевалило за полторы сотни лет, ну у вампиров такое дело обычное.

Очень худая, с окрашенными в иссиня-черный цвет длинными прямыми волосами, с всегда сильно подведенными бровями и ресницами, да еще и нарисованными темными кругами вокруг глаз, Маша, в своем кожаном черном костюме из брюк и жилетки смотрелась классическим представителем готов. И запусти её в какой-нибудь ночной клуб для готов в моё время, она бы ничем не выделялась там среди этой странной публики.

А вот в Лукошкино в таком прикиде показываться, точно не стоило. Представляете себе, к примеру, весь такой патриархальный, старинный древнерусский рынок, с бабами и мужиками, с купцами и приказчиками? А вот теперь поставьте посреди этого рынка Машу во всей красе. Представляете? Я – нет.

– Маша, ну ты же у нас умная девушка сама понимать должна, что в этой всей коже тебе Лукошкино не видать. А ты мне там нужна будешь.

– А монсеньор Кощей в курсе?

– Монсеньор как раз и приказал.

Маша вздохнула и загрустила.

Она состояла на службе у Кощея и вынуждена была подчиняться его приказам.

Сама к Кощею на службу она не рвалась, но достав вредным нравом своих соплеменников, а главное – старейшин вампирских кланов, была выслана из Европы в дикую Русь якобы для повышения квалификации и обмена опытом, так сказать, и попала по контракту в услужение Кощею сроком на три года.

Наш Темный властелин обрадовался, увидев её и тут же начал проводить над ней массу опытов и экспериментов, мечтая превратить её в идеальное оружие смерти.

Надо сказать, что Маша и так не была пай-девочкой из какого-нибудь там пансиона для благородных девиц. Нет, будучи вампиром, она обладала стандартным набором для самого разнообразного и скорейшего умерщвления нежелательных для себя особ. Ну, знаете, все эти там полёты на гигантских крыльях как у летучей мыши, сила как у десятирюх дюжих мужиков, острые и длинные зубки, выпускаемые по необходимости, опять же выдвижные когти, ну и прочие вампирские штучки.

И вот эту машину смерти, хоть и довольно миленькую на вид, Кощей и решил усовершенствовать, доведя её способности просто до фантастических. Вот только, как часто у него бывало, то ли поспешил Кощей, то ли не в ту мензурку толчёного змеиноного зуба сыпанул, то ли рука со стаканом дрогнула и коньяк в зелье попал, а может и сушеные

жабьи головы второй свежести попались, не знаю. Но вместо супер-Маши, появилась на свет Маша-вегетарианка. Не потеряв своих способностей, она теперь на дух не переносила кровь ни человеческую, ни какую другую и приходилось ей питаться только овощами да булочками. Зато и солнечного света теперь перестала бояться, да и в церковь заходить могла, уж не знаю только зачем вампиру бывать в церкви.

Быстро познав радости тортиков, пирожных и прочих девичьих антидепрессантов, Маша стала настоящей сладкоежкой, благо из-за особенности физиологии о фигуре ей беспокоиться не надо было. Хотя, на мой вкус, лишние пять-шесть килограммов, ей бы не помешали.

Возвращаться на родину Маше не имело никакого смысла, засмеют же, вот и осталась она у Кощея на окладе, изредка помогая ему в его черных делах. И надо сказать, с работой она справлялась отлично, хотя, как меня потом предупредил Кощей, сама за работу не хваталась и лишних приключений на свою... хм-м-м... голову, так скажем, не искала.

А все эти булочки, ватрушки, да блины с вареньем повлияли неожиданным образом и на её характер. А может это Кошечевы опыты так сработали, не знаю. Но потеряла Маша значительную часть своей вредной вампирской сущности, взамен приобретя томную такую лень и романтически-мечтательное настроение. В коем она обычно и пребывала в свободное время от работы, сидя у нас в кабинете на уютном диване с очередным рыцарским романом в одной руке и оче-

редным пирожком в другой.

Ценил я Машу не только за то, что она внесла разнообразие в наш мужской коллектив и даже не за то, что была она превосходным бойцом. Главным достоинством Маши, на мой взгляд, было то, что она являлась полиглотом. Зная основные европейские языки и множество диалектов, Маша стала для меня незаменимой помощницей в дешифровке тайных писем, присылаемых от Кощея, которыми он стал заваливать нас буквально же на следующий день.

– Месье Теодор, – Маша захлопала ресницами, – мне вовсе не обязательно быть с вами в городе. Я могу вас прикрывать и с той стороны крепостных стен. Буду следить за передвижениями войск, разведывать отходные пути...

– Маша, не капризничай! Пойдешь со мной в Лукошкино. Сделаем из тебя настоящую русскую красавицу.

– Ш-ш-ш!!!

– Ну а я что? Это же Его Величество приказал.

– Ш-ш-ш!

– Вот сама ему и скажи. Маша! Перестань капризничать!

А я тебе мешок яблок куплю на рынке. Вку-у-усных...

– Ш-ш-ш?

– Обещаю, обещаю.

– Ш-ш-ш.

– Хорошо и ведро груш.

– Ш-ш-ш!

– Маша, не борзей! Марш за одеждой!

– Ш-ш-ш...

Вот и поговорили. Ну как с этой капризной девицей работать, а?

* * *

Помахав на прощание Дизелю, мы заперли дверь Канцелярии и гордо направились к выходу из дворца.

Гордо-то гордо, но я что-то сразу загрустил по Дизелю. Привык уже к нему. Зато отдохну от этого постоянного скрежета и скрипа.

Кстати это тоже Кощей придумал, как компьютер без бензинового двигателя запускать. На скелетно-механической тяге!

Я ему, когда рассказал о проблеме с бензином, Кощей отложил в сторону черный меч, которым измельчал какие-то травки, высыпал их в котёл и говорит:

– Хм-м-м... Ну-ка, пошли посмотрим, подумаем.

Пришли мы в зал с вагончиком, Кощей отодвинул так и стоящего часовым скелета и уверенно уже так в вагончик залез.

– Дай-ка горячее твоё глянуть.

Я открыл канистру с плескавшимся на самом дне бензином и протянул ему.

Кощей понюхал, поскрёб пальцами лысый череп, снова понюхал, плеснул немного бензина в ладонь, лизнул и снова

почесал голову, сбив корону на бок.

– Знакомое что-то, не пойму никак.

– Это из нефти делают, Ваше Величество. Только нам эту технологию ну никак тут у вас не осилить. Там довольно сложный процесс.

– А самогон не годится?

– Увы, Ваше Величество. Но если есть хороший очищенный, – сразу осознал я перспективы, – мне бы литра три хотя бы – контакты протирать. А то весь мой спирт уже того... Выветрился.

– На складе закажешь, – отмахнулся Кощей. – Мда-а-а... Значит, льёшь её сюда, – он показал на двигатель, – он крутит тот вал, а от него уже работает вон та штука?

– Ага. Генератор. Если вал крутиться будет да быстро, то и всё заработает тогда.

– Крутиться-вертеться, – Кощей, заложив руки за спину, задумчиво раскачивался с носка на пятку. – А если самому крутить?

– Пупок надорву, Ваше Величество. Это же надо всё время крутить не прерываясь, да с одной скоростью.

– Да уж, хиловат ты, Федя, – он окинул меня взглядом, – не сдюжишь. А вот он сдюжит.

И Кощей кивнул на стоящего в дверях скелета.

Я пожал плечами. Не уверен. Это же какой запас сил нужен, чтобы несколько часов подряд одни и те же действия проделывать?

– Гюнтер! – заорал Кощей да так, что я схватился за уши. Через полминутки, в дверях показалась фигура во фраке.

– Ваше Величество?

– Михалыча сюда, живо!

Я тогда как раз с моим дедом и познакомился.

Гюнтер исчез и буквально через пять минут вернулся в сопровождении маленького такого сморщенного старичка самого простецкого вида.

Простые холщевые штаны, длинная рубаша из грубой ткани, подпоясанная верёвкой. Борода, конечно, да редкие взлохмаченные волосы. И физиономия такая добрая-добрая.

– Здорово, Михалыч! – поприветствовал его Кощей. – Смотри сюда. Видишь вот эту хреновину? Вот. Надо к ней, ну к вон той железке, присобачить другую хреновину, ну ручокать, чтобы вращать её можно было. Да покрепче. Сделаешь?

Дедок оглядел генератор со всех сторон, присел над ним, потом выпрямился и почесал затылок.

– Сделаем, батюшка, – уверенно кивнул он. – Надо только хреновину енту на стол или ишо куда повыше поставить.

– Вот и славно, – кивнул Кощей. – Давай действуй, как Федор Васильевич скажет.

Он повернулся ко мне:

– Как сделаете, опробуй вращение с этим бойцом, – он кивнул на скелета. – И сразу мне доложишь. Понятно?

– Как не понять, Ваше Величество? Понятно.

Кощей кивнул и вышел, прихватив с собой Гюнтера. На ходу он хлопнул скелета по плечу и указал ему кивком на меня. Скелет кивнул и снова замер у двери.

– Федор Васильевич, – раздался скрипучий, старческий голос Михалыча. – Я сейчас за инструментами схожу, ты уж подожди маленько.

– Давай... э-э-э...

– Игнатий Михайлович я. Но лучше просто – Михалыч.

– Давай, Михалыч, жду.

Михалыч вышел из вагончика и дёрнул скелета за руку:

– Эй, служивый, а отыщи-ка мне камешек какой вот такого размера, – и дед руками поводит по воздуху, очерчивая куб высотой почти в метр.

Скелет кивнул и умчался куда-то, гремя костями на ходу.

Михалыч подмигнул мне, указывая кивком вслед скелету, довольно хекнул и быстро вышел из зала, а я остался наедине со своей аппаратурой.

Михалыч быстро вернулся да не один. За ним, держа в охапках инструменты, вприпрыжку бежали два... ну, чёрта! Ага, натуральные такие маленькие черти. Хвостатые, на копытцах, с рожками и пяточками на скалящихся мордах. И розовые.

– Это... это... – я икнул, указывая пальцем на них.

Михалыч оглянулся:

– А, бесы? Что, милок, не встречал раньше?

Я помотал головой. Слава богам не доводилось.

– Полезные твари, – покивал головой Михалыч, – только молодые ишо, глупые.

А тут зацокали и костяшки по мраморному полу – это возвращался наш скелет. И тащил он невысокую, но широкую мраморную колонну. Ну, знаете такие как в музеях, на которых стоят Венеры да Аполлоны. Не знаю и знать не хочу, где он её спёр. Выполнил задание и ладно.

Михалыч одобритительно взглянул на него:

– Молодец. Ставь сюды.

Скелет грохнул этой тумбой так, что пол вагончика чуть не провалился, а сам вагончик затрясся от удара.

– Поаккуратней, балбес! – заорал я на него. – Аппаратура же хрупкая!

Скелет пялился куда-то поверх моей головы с самым, что ни на есть виноватым видом.

Ну да, именно виноватым. Понимаю, что на черепе эмоции не разглядеть, но этому скелету виноватый вид прекрасно удался.

Михалыч выгнал нас из вагончика мол, ругайтесь в зале сколько хотите, а мне тут не мешайте, а сам принялся что-то терпеливо втолковывать бесенятам, перемешивая технические термины с матерными и вскоре внутри всё начало греметь, стучать и гроыхать, а я нетерпеливо расхаживал около двери поглядывая почему-то со злостью на несчастного скелета.

Через полчаса Михалыч закончив, позвал меня и гордо

протянув руку к генератору, торжественно произнёс:

– Вот!

На краю постамента стоял генератор, к валу которого была прикреплена изогнутая ручка. Я походил вокруг, подергал ручку, вроде крепко. И крикнул скелету:

– Эй, служивый, иди сюда!

Кое-как объяснив ему, что от него требуется я, сильно жалея, что у меня нет вольтметра, перекинул провода от лампочки под потолком к генератору и кивнул скелету:

– Давай. Крути всё быстрее и быстрее, а когда махну рукой, прекращай ускоряться и крути с одной силой. Понял?

Скелет кивнул и взялся за рукоятку.

Скрип от его костей стоял просто невыносимый! Сам генератор работал довольно тихо, а вот скелет издавал настолько противные, громкие звуки, что мы с Михалычем не выдержали и скоро уже стояли, заткнув ладонями уши. Руки скелета, крутившие генератор, от бешеной скорости просто слились в один дрожащий круг, но он неумоимо продолжал свою работу. Похоже, зря я не поверил Кощею, усомнившись в силах скелета.

В общем, получилось. Лампочка светила ровно, без миганий и вроде с той же яркостью, как и раньше. Комп работал без проблем. Если напряжение и колебалось немного, то фильтры, через которые шло питание, сглаживали его и выравнивали до нормы.

Вот только этот звук...

Уже потом, когда мы переехали, генератор с Дизелем я определил в свободную комнату, а провода пробросил в кабинет к компу, благо проводов у меня хватало. Звук тихим стал и днём я на него внимания не обращал, но утром...

* * *

Вот так, уже скучая по Дизелю я, во главе нашей команды и отправился на завоевание Лукошкино и окрестностей.

Маша несла изящный дамский саквояжик, Михалыч взвалил себе на хребет мешок с нашей одеждой и прочими «только самыми необходимыми» вещами, а я шел с пустыми руками, как и положено важному начальнику. Зато гремя медалями при каждом шаге так, что обзавидовались бы все звонари Лукошкино, если бы их, конечно, зачем-то занесло к Кощей.

А Кощей уже ждал нас.

– Где вас носит? – рявкнул он. – Работнички, мать!

Глаза его горели красным светом, и вызывало это, очень неуютное ощущение.

Я стал по стойке смирно, выпучив глаза и высунув от усердия язык. Михалыч придавленный мешком, согнулся еще ниже, отбивая земной поклон и только Маша, с рассеянным видом любовалась облаками.

– Ладно, – проворчал Кощей, разглядывая нас. – Михалыч, чем ты там мешок набил?

Глаза Кощея плавно пройдя весь спектр, из красных стали обычными синими. Нет, в смысле, не голубенькие они были, как у добра молодца, а светились синим, жутковатым светом.

– Ить... Всяко разное. Полезное, – прохрипел Михалыч, силясь выпрямиться.

Кощей махнул на него рукой и поправил мне фуражку:

– Орёл! Вылитый генерал!

Отдайте мои джинсы и майку! Эх.

– Марселина, сарафан себе подобрала? С кокошником, – Кощей довольно мерзко захихикал, а потом серьёзно добавил: – Косу заплести не забудь.

Машу передёрнуло.

– Ну, Канцелярия, не подведите! Держи, Федор Васильевич, – Кощей протянул мне небольшое зеркальце в резной деревянной оправе, – для связи. Потрёшь его пальцами и зови меня.

– Ух, ты! Понял, Ваше Величество. Ну, мы пошли? А Лукошкино в какой стороне?

– Э-э-э... Там, – Кощей махнул рукой куда-то вправо, как-то странно посматривая на меня.

Я кивнул, махнул Михалычу и Маше и бодро зашагал в указанном направлении. И только шагов через двадцать, не услышав за собой шагов моей группы, я остановился и обернулся.

Они так и не сдвинулись с места. Михалыч сочувственно кивал головой, Маша улыбалась облакам, а Кощей откровен-

но скалился, с любопытством разглядывая меня.

– Чего? – удивился я. – Мы идём или забыли что?

Дед попытался что-то сказать, но Кощей его перебил:

– Иди, Федя, иди. Как дойдёшь месяца через три, доложишь. Если волки не сожрут.

И он захохотал, всхлипывая и тыча в меня костлявым пальцем.

Три месяца?! Я, чувствуя себя последним дураком, поплелся обратно сгорая от стыда.

– Ну, откуда я знаю, что тут у вас и как? – промямлил я, вернувшись обратно. – А как же тогда добраться?

– Горыныч отвезёт.

– Кто-кто?!

– Горыныч, слуга мой верный.

Я недоуменно взглянул на своих поделщиков.

Они кивнули. Только Михалыч одобрительно, а Маша, соорудив недовольную гримасу.

– Это который Змей? С тремя головами?

– Ага, – закивал Михалыч, – большой такой.

– Чингачгук, блин, – проворчал я и отмахнулся от непонимающего взгляда дедули.

Уже пора бы и привыкнуть ко всем этим местным чудесам, но каждое новое появление очередного сказочного персонажа или колдовского предмета, выбивало меня из колеи. Хотя вон, зеркальце для видеосвязи я спокойно воспринял, осваиваюсь всё-таки. А с другой стороны, где зеркальце и где

дракон.

– Летит, – спокойно сказала Маша.

Я обернулся и посмотрел на небо. Прищурился, а да точно, какая-то точка на небе приближалась к нам, быстро увеличиваясь и разрастаясь в... мамочки! – дракона!

Машинально ожидая увидеть знаменитого персонажа из цикла мультфильмов про богатырей ну, помните такого красного динозаврика, упитанного, с маленькими крылышками и ходящего на задних лапах, я был поражён видом настоящего местного Горыныча.

Он вовсе не ходил на задних лапах, а туловище имел как у крокодила или громадной ящерицы какой-нибудь и совсем не красного, а серо-зеленого цвета. Сама туша от шеи и до за... ну, до задних лап, была метров десяти длиной, да еще и хвост не меньше. Всё это сверху покрывалось костяным гребнем, а брюхо и нижнюю часть хвоста защищали костяные же, желтоватые пластины. А спереди торчали на длинных-длинных шеях три головы с очень даже впечатляющими зубками в красных пастьях. Да и крылья у него были не мини-вариант, как у мультяшного персонажа, а здоровенные такие, а-ля птеродактиль из Юрского периода, в размахе метров двадцати. В каждую сторону.

Змей приземлился на поляне, затормозив крыльями и подняв в воздух тучу пыли.

– Здорово, Михалыч! – густым басом сказала правая голова.

– Кощею – салют! – более тонким голосом, поприветствовала левая.

А средняя, перевязанная белой тряпкой, только вздохнула.

– Э-э... здрасте, – выдавил я из себя, пятясь за спину Кощея.

– Здравствуй, Горыныч, – ответил ему Кощей, вытаскивая меня из-за спины. – Вот этого орла с Михалычем и Марселиной отвезти надо.

– Сделаем, – кивнув, пробасила правая. – Марселина, любовь наша, а ты всё хорошеешь? Аппетитная, глаз не оторвать. Так бы и съели!

Горыныч гулко засмеялся, а Маша только фыркнула.

– У них что, любовь?! – шёпотом спросил я у Михалыча. А что? Тут всё, что угодно может быть.

– Не, – отмахнулся Михалыч, – натура у него такая. Кобелиная.

– Давайте-давайте, – засуетился Кощей. – Время дорого.

– А обед?! – возмутилась левая голова и правая согласно кивнула.

Кощей поморщился, хлопнул в ладоши и тут же несколько скелетов вытащили из ворот две освежёванные бараньи туши и большое корыто с кашей. Корыто поставили у средней головы.

Я отвернулся. Всё понимаю, но смотреть на это не хотелось. Противно.

Полминуты чавканья, хруста и причмокивания и левая голова довольно протянула:

– Заморили червячка. Маловато, конечно, но уж так и быть.

Правая только рыгнула, испустив струю пламени, сжигая зазевавшегося скелета.

– Шамаханы покормят, – пообещал Кощей. – В путь, пора.

Я с опаской посмотрел на гребни вдоль спины Горыныча. Острые длиной в локоть, они совсем не вызывали желания усесться между ними или еще хуже, прямо на них.

Горыныч, уловив мой взгляд, вдруг дёрнулся телом, и гребни с громким щёлканьем ушли прямо в спину.

– Видал? – подмигнула мне левая голова с гордостью. – Это нам Кощей такое сделал.

– Круто, – я восхищенно покивал головой.

Змей опустился на колени или что там у него, присел, в общем, и мы полезли ему на спину.

Как я не старался, но усадили меня спереди. Спасибо, весь встречный ветер мой. Сзади пристроился Михалыч, втиснув мешок между нами, ну а Маша, что удивительно, не капризная, разместилась последней.

Горыныч встал, а я помахал Кощей и нерешительно сказал:

– Ну, мы, наверное, полетели?

– Не подведи меня, Федька. Удачи!

И Кощей, развернувшись, зашагал во дворец. А Горыныч

взлетел. Вот так просто без разбега замахал мощно крыльями и взвился в воздух.

– Змеюка с вертикальным взлётом, – прохрипел я, чувствуя, как меня расплющивает о Горынычеву спину.

– Ась? – прокричал Михалыч, но я только отмахнулся.

Однако вскоре Горыныч набрал высоту и полет оказался неожиданно комфортным.

Не знаю почему, но мне даже ветер не бил в лицо, а так, обдувал легонько и всё. Хотя летели мы очень быстро. Лесные поляны мелькали так, что их и разглядеть было невозможно, а когда пошли открытые пространства, то поля и реки, неожиданно возникая перед нами, тут же оставались позади. Не спрашивайте, без понятия от чего так. Наверное, Змей – существо сказочное и законы природы на него тоже действовали другие, сказочные. Но, как бы то ни было, а вскоре я уже наслаждался полетом, с интересом поглядывая по сторонам.

Горыныч плавно опустился ниже и теперь мы летели на высоте метров пятидесяти, может, ста над землёй, точно понять я не мог, не авиатор, уж простите.

– А мы не низко идём? – проорал я ему.

Правая голова медленно на лету повернулась и внимательно меня осмотрела. Я поёжился и ругнулся про себя. Рептилия с крылышками, да глаза как блюдца, еще и смотрит, не мигая так оценивающе. Бр-р-р.

– Нормально идём, – пробасила голова, видимо удовле-

творившись осмотром. – Зато издалека нас не видно.

– А ясно, – закивал я. – Разумно.

– А то! А к месту высадки подходить будем, совсем низко пойдём, над деревьями прямо.

– А долго нам еще?

– Часа два. А что, устал?

– Не-не, просто интересуюсь.

– Интересуется, он, – проворчала левая голова, разворачиваясь ко мне. – Любопытный какой...

Я хотел было развести руками мол, ну, да, что уж тут поделать, но вовремя одумался и посильнее вцепился в спину Горыныча.

– А чего с вашей средней головой? Поранилась?

– Зуб болит, – коротко пояснила правая.

– Угу, – сказала левая, – жрёт, что попало, а страдаем все вместе.

– Так полечили бы.

– Бойтся, – пояснила правая.

Средняя голова тоже повернулась ко мне и смущённо кивнула.

– Эй, – заорал я, – вы вперёд-то смотрите, а то врежемся во что-нибудь!

– Не врежемся! – левая.

– Не бойся, – правая.

– Мы знаешь, какой отличный летун? Сейчас покажу, как мы в воздухе кувыркаться можем! – левая.

– Не надо! Я верю, верю!

Правая и левая ухмыльнулись и развернулись вперед, а средняя так и продолжала смотреть на меня.

– Не надо бояться, – сказал я ей. – Ну, разочек потерпеть, зато потом какое облегчение будет.

Голова вздохнула.

– А вы хоть полоскаете?

Заинтересованный взгляд.

– Ну, ромашкой там, шалфеем.

И дальше мы со средней головой отлично коротали время, обсуждая животрепещущие вопросы стоматологии. Михалыч, похоже, задремал и сопел мне в спину. Чем занималась Маша я не знаю, не оглядывался, но наверняка уткнулась в книгу, переживая очередной роман благородного рыцаря и светской дамы.

– А вот древние римляне, говорят, на место вырванного зуба вкручивали другой на шурупе и прямо в челюсть.

– М-м-м!!!

– Ага, жуть, верно? Зато раз и навсегда.

– М-м-м?

– Вот и я говорю – не надо бояться. Надо решиться и действовать. А пока полоскание и еще раз полоскание.

– М-м-м.

Я скоро полиглотом стану по шипению и мычанию.

– Снижаемся, – проревела правая голова.

За интересной беседой я и не заметил, как пролетело вре-

мя.

Под нами снова был лес и верхушки деревьев мелькали прямо под брюхом Горыныча.

Полёт замедлился, а вскоре мы совсем зависли над небольшой поляной.

– Здесь, – сказала левая голова и мы плавно опустились на землю.

Вот может же когда хочет.

Я сполз с Горыныча, звеня медалями, рядом со мной плюхнулся мешок и Михалыч, кряхтя и охая, стал рядом. А Маша спрыгнула легко, даже изящно.

Кусты вокруг поляны зашелестели и из них вынырнули четыре низких фигуры, таща за ноги коровью тушу.

– Это нам! – оповестила непонятно зачем правая голова и они с левой стали с жутким хрустом рвать несчастную бурёнку на куски. Средняя же, поднялась на шее повыше и отвернувшись, завистливо приняла себя.

Быстро отобедав, или какая там у него по счету трапеза была, Горыныч, довольный и сыто отдувающийся, расправил крылья.

– Ну, значит, полетел мы, – сказала правая голова.

– А мы?

– А вы не летите, здесь остаётесь – хихикнула левая голова, но тут же успокоила: – Когда закончите дела свои, прилетим. Удачи!

– Удачи! – пробасила правая и подмигнула Маше.

А средняя легонько ткнула меня носом в грудь.

Не упал я только потому, что спиной наткнулся на Михалыча.

Горыныч замахал крыльями, фуражка слетела с моей головы, а глаза запорошило поднявшимся облаком пыли. Когда я, отплевываясь и тихо поминая матушку Горыныча, протер глаза, Змей уже улетел, а сквозь выступившие слезы я смутно увидел какую-то фигуру протягивающую мне фуражку.

Наспех протерев глаза, я огляделся. Передо мной по стойке смирно и отдавая честь, стоял довольно рослый шамахан в идеально выглаженной белогвардейской форме. Или просто старой царской, не разбираюсь я в этих вещах. А на краю поляны, одетые во что попало, стояло три шеренги шамаханов. И шеренги эти, скажу вам, были ровненькие, будто выстраивали их по ниточке. А говорили – Орда, варвары...

Забрав у него фуражку и кое-как приладив на голову я, как можно строже поглядел на этого бравого шамаханского вояку.

– Ваше высокопревосходительство! – гаркнул он. – Вторая специальная рота для проверки построена. Ротмистр Калымдай.

И он отступил в сторону.

Так, сейчас моя очередь. Я лихорадочно вспоминал чему нас учили на военной кафедре, а потом, мысленно сплюнув три раза, развернулся к шамаханскому строю, стараясь по-

громче звякнуть медалями, приложил руку к фуражке и заорал:

– Здорово, орлы!

– ЗДРАЖЛАВАШЕСТВО! – рывкнул строй в ответ.

Я повернулся к их командиру и одобрительно кивнул:

– Вольно.

– Вольна-а-а! – заорал командир шамаханам.

– Послушай, ротмистр, а где бы нам тут посидеть в тишине и покое да поговорить?

– Ра-азойдись! – снова проорал он и повернулся ко мне. – Сюда извольте, ваше высокопревосходительство, – он махнул в сторону леса и уже было шагнул, указывая дорогу, но я остановил его.

– Ротмистр... э-э-э...

– Калымдай, ваше высокопревосходительство.

– Я помню-помню... А по отчеству как?

Он удивленно взглянул на меня:

– Так, Кощеевич же. Мы все тут Кощея нашего, Всевеликого Тёмного Властелина, дети.

– А, ну да, ну да. Так, вот, Калымдай Кощеевич, давай мы с тобой без всех этих благородий, да превосходительств обойдёмся, да мундиры с медальками для парадов прибережём. Дело у нас с тобой важное, спешное, не до устава воинского сейчас. А вот одолеем врага, тогда и пройдемся парадом мимо батюшки Кощея, да новых орденов на мундиры повесим, а?

И я подмигнул ему.

– Как прикажете, ваше... Федор Васильевич.

– Вот и ладно. А сейчас покажи мне, где я переодеться могу. Да и людей моих особо важных, разместить надо.

– Сделаем, Федор Васильевич, – деловито сказал Калымдай и кивнул моим сотрудникам: – Здорово, Михалыч. Бонжур, мадмуазель Марселина.

Я махнул Михалычу и Маше и мы вошли в лес, ведомые бравым шамаханом. Сделав несколько шагов, я ахнул. Шалаши, шалашики, землянки, небольшие костры в ямках, всё было грамотно устроено и надежно скрыто от посторонних глаз. На дикую орду это совсем не походило.

– Ну, Калымдай, молодец. Маскировка у тебя на высшем уровне.

– Рад стараться, господин генерал. Я бы и похитрее мог расположиться, но смысла особого нет.

– Чего так?

– Тут никого не бывает. Забредет изредка сиволапый какой за дровами или баба по ягоды в лес отправится, это не беда. Да и дикие всю мою маскировку портят.

Не успел я уточнить про этих диких, как Калымдай указал на два больших шалаша, стоявших рядышком:

– Вот и пришли. Один для вас с дедушкой Михалычем, а другой для мадмуазель Марселины. Подойдет, надеюсь.

– Отлично! Я переоденусь в гражданское, а ты пока организуй нам перекусить чего-нибудь, да и поговорим заодно,

обсудим всё.

Калымдай кивнул, козырнул и исчез, а мы разбрелись по нашим временным апартаментам.

Да, не царские палаты, конечно, но чисто, уютно, вдоль стен навалены кучи веток, прикрытые шкурами, отдохнуть вполне можно.

Я быстро скинул ненавистный мундир и переоделся в родные джинсы с майкой, припрятанные в необъятном мешке Михалыча. Дед переодеваться, конечно, не стал, он и так щеголял в универсальной местной рабоче-крестьянской одежде. А Маша, как оказалось, когда мы собрались у маленького костерка рядом с шалашами, так и осталась в своей любимой черной коже. Ладно, пусть пока в лесу.

Калымдай уже расстарался, накрыв нам поляну. На широких листьях исходили ароматом зажаренные куски мяса, манила запечённым боком истекавшая жиром курица, большие белые грибы, насаженные на палки-шампура соседствовали с караваем хлеба в окружении толсто нарезанных ломтей сала, а отдельно стояли три пузатые бутылки из тёмного зеленого стекла.

– Уважил, молодец, – кивнул я Калымдаю, успевшему переодеться в кожу и шкуры да меховую шапку. – Только бутылки убери. Вот победим врага, тогда и отметим.

Я потянулся за курицей, а Михалыч, внимательно разглядывающий здоровенный кусок мяса, незаметно кивнул мне мол, можно. Я облегченно вздохнул. Наслушавшись историй

о дикарях шамаханях, мне совершенно не хотелось отужинать собачатиной или, того хуже, человечинкой. А кстати, о дикарях.

– Калымдай, а что ты про диких говорил? Это кто такие?

– Орда, – коротко пояснил он.

– А ты сам разве не из Орды?

– Из Орды, – кивнул он. – Только я, по указанию царя-батюшки Кощея, был отправлен учиться воинским наукам, а эти, – он презрительно махнул рукой в сторону, – только и могут, что толпой навалиться да на лошадках скакать. Больше мешают тут, демаскируют.

– Вона как... А где учился-то?

– В Первой Императорской военной академии офицерского состава имени царя Кощея, – отрапортовал Калымдай.

Ну, надо же. Кощей не переставал меня удивлять. А я-то считал, что тут самые настоящие дикари бегают, только и умеющие, что из луков пулять. Хотя, Калымдай тут же подтвердил, что я не сильно ошибался.

– У меня в роте, господин генерал, ребята все лично мной обучены, делом проверены и не извольте сомневаться, любое задание выполним и Кощея-батюшку не подведём. И за ордынцами присмотрим.

– Вот и ладно.

Я уже расправился с курицей, Михалыч тоже довольно отдувался, а Маша доедала бутерброд с грибами, кокетливо оставив мизинчик.

– Хорошо, Калымдай, давай вводи меня в курс дела, расскажи обстановку на сегодняшний день.

Калымдай вскочил, стал смиренно и уже было открыл рот для доклада, но я его перебил:

– Стой. Ты мне еще рапорт в трех экземплярах предоставь. Мы о чем с тобой договаривались? Давай-ка лучше по-простому.

– Виноват, Федор Васильевич, – он опустил ся на землю. – Был нами завербован казначей царский, Тюрят. – Калымдай сплюнул. – Мерзкий человечешко, но польза от него есть. В работе находятся думный дьяк Груздев да начальник охраны царской казны, боярин Мышкин. Дьяка опаиваем водкой с добавлением спец средств, а в его личине, тем временем действует один из моих ребят.

– Это тот, который колечко волшебное у царя увёл?

– Он самый.

– Молодец. Ловкий парень.

Калымдай кивнул и продолжил доклад:

– Мышкина, боярина этого, после того как он сундук с деньгами умыкнул, мы вначале просто пасли. А вчера под вечер участковый к нему нагрязнул. Что там было не понять, но крик и ругань слышали. Боярина этой же ночью выманили из терема, опоили и спрятали пока у дьяка в доме под присмотром.

– Не понял. Зачем?

– Вот именно, – закивал головой ротмистр. – Вы не пони-

маете, а милиция тем более все мозги себе на бок свернет, пытаясь разобраться. А нам того и надо, чем загадочней и непонятней, тем лучше. И, кстати, сегодня разведка доложила, что у Мышкина обыск был, милиция со стрельцами весь терем изрыли.

– Вот как? И нашли что-нибудь интересное? – уже догадываясь об ответе, спросил я.

– А как же! – заулыбался Калымдай. – Кто-то там ход подземный рыть начал, метров двадцать в сторону крепостной стены проложено. Да еще склад оружейный обнаружили. Ребята накидали железок старых, ржавых, сабли там, копья. Участковый как увидел, сразу к царю побежал!

– Мда-а... Ещё есть что доложить?

– Сундук с деньгами в дом казначея Тюри подбросили, только прятать сильно не стали, почти на виду оставили. Как обыск у казначея будет, пусть найдут сундучок-то. И пусть потом голову ломают, кто крал да как сундук у казначея оказался. А еще из дома дьяка проложен ход тайный сюда к нам в лес. По нему ребята мои ордынцев в город проводят. Сами-то хоть через ворота открыто пройдут, в личинах-то, а этих тайно надо.

– Ох и замутили вы, – покачал я головой. – Зачем так сложно?

Калымдай вдруг разгорячился:

– Да как же иначе, Федор Васильевич! Мы вначале тихо работали, а никакого результата. Никому дела нет до наших

каверз. И только когда давеча милицейское отделение подпалили да явный след на нас указали, только тогда они хоть чуть засуетились.

– Ох ты ж... Дотла спалили?! Вместе с милицией?

– Да что вы, Федор Васильевич, зачем нам такое? Нам участкового с царем подтолкнуть надо было, чтобы задёргались они, насторожились. Чтобы по городу слухи пошли да до агентов Сатаны дошли обязательно.

– Понял. Молодец. А как вы им след на себя указали?

– Так схватили поджигателя нашего. Один мой вовремя скрылся, а ордынец, в помощь ему выделенный и оплошал. Придавили его там прямо на месте. А бабка у них ушлая, знающая, сразу штаны с ордынца содрала и вот, получите доказательство.

– Штаны? Доказательство?

Это о чем он? В голову сразу полезли идиотские мысли о размерах, размерчиках и размерищах.

– Ну, так хвост, господин генерал, – удивленно пояснил Калымдай.

Михалыч незаметно пнул меня ногой.

– А хвост, – понимающе закивал я. – Конечно-конечно. И что дальше?

Это уже потом мне Михалыч рассказал, что у каждого шамахан хвост есть. Небольшой такой, как у свиньи. Зачем и откуда взялись эти хвосты у них я не стал уточнять, понял только, что демаскируют они шамаханов сильно, даже личи-

на, на себя накинутаая, скрыть их не позволяет. Мало того, у шамаханов ещё и рога были. Небольшие, но были. А я их сначала за людей принимал, думал, племя такое... Да какая разница, впрочем?

– Ну, на сегодняшний день вроде бы и всё, – закончил Калымдай свой доклад, – теперь ждём следующего шага от царя.

Я восхищенно помотал головой. Да, умельцы. Я на месте царя с участковым, тоже бы весь город на уши поднял. То, что надо.

* * *

Зашелестели кусты и какой-то шамахан, приблизившись неслышно к нам, прошептал что-то на уху бравому ротмистру.

– Вот как? – удивился Калымдай. – Веди его сюда.

Потом повернулся ко мне и объяснил:

– Тюрю, казначей, тайным ходом из дома дьяка к нам за чем-то пожаловал.

– Маша, Михалыч, укройтесь в шалаше. Незачем Тюрю нас всех видеть.

Тюрю оказался совсем невзрачным мужичком, среднего возраста и впечатление производил пренеприятнейшее. Жиденькая бородка, совершенно лысая голова и подергивающиеся, не остающиеся без движения ни на секунду, пальцы.

А когда он смотрел своими водянистыми, серыми глазами, я всё время сдерживал желание передернуть плечами и сплюнуть. Вроде бы мужик и мужик, ничего особенного, а вот, же... Знаете, бывает такое, увидишь человека и сразу чувствуешь, что свой, хороший, и выпить вместе можно и в разведку пойти. А бывает и наоборот. Вот к этому наоборот и относился казначей Гороха.

Насторожено стреляя глазами по сторонам, Тюря довольно бесцеремонно уселся у нашего костра напротив нас и, кивнув ротмистру, вопросительно уставился на меня.

– А, Тюря, дарагой! – Калымдай вдруг заговорил тонким голосом на какой-то кавказско-узбекской смеси акцентов. – Слюшай, как харашо, что пришёл! Будем сейчас сабачку для тэбя рэзать, кумыс пить будем!

Тюря перекрестился и тишком сплюнул:

– Не надо, я по делу.

И снова посмотрел на меня.

– Господин, Тюря! – торжественно начал я. – За исключительные заслуги перед Империей, я, как Первый штандартенфюрер Штирлиц нашего Великого и Ужасного государя Кощея, как Хранитель ключей от Священной принисцулы мегабабаха (как я загнул, а?), отправлен специально к вам, чтобы обрадовать, что место у трона для вас уже греют, а три телеги с золотом сегодня утром отправились в Лукошкино в ваше распоряжение.

– А чего ж, три? – огорчился Тюря. – Лучше бы пять.

– Всё будет, дарагой! – вмешался Калымдай. – Вот зарежем всех, сядем пировать, вино пить, да ханум Лукошкинских гулять, тогда и дэсят телег тэбе будет, мамой киянусь!

– А пока, – прервал я расшалившегося Калымдая, – должны вы заслужить все эти почести, а поэтому доложите нам, какие операции были сегодня проведены и с какой целью вы покинули базовое расположение, демаскировав тем самым совершенно секретный маршрут «Лес – Лукошкино»?

– Зачэм пришёл, а? – перевел Калымдай.

Тюра заёрзал:

– Обложили меня менты поганые. Давеча участковый на допрос велел приволочь, так измывался надо мной нещадно, бил меня, горемычного коваными сапогами! Кота натравил, а опосля и бабке своей милицейской велел меня покусать. Но я им ничего не сказал! Выстрадал, но ни словечка не вымолвил, ни о вас, ни о сундуке том украденном. А кстати, где он?

– Где надо. Дальше-то что?

– Убёг я от них. Вырвался, стрельцов раскидал, Митьке ихнему беспутному в ухо заехал и убёг. Схорониться мне теперь надо.

– Дела... Провалили вы нам всю работу, товарищ Тюра. Вы нам в городе нужны, здесь от вас проку нет. Минус одна телега, так и знайте.

– Окстись, батюшка! – подскочил казначей. – В городе я буду, в городе! Не надо телегу забирать!

– Есть где спрятаться?

– А как же! – захихикал Тюря. – Я, прости господи, руки на себя наложил. А раз помер, то и искать уже не будут, а я отсижусь прямо в доме своем в тайной комнате.

– Помер? Руки наложил? Вы с дьяком сегодня не выпивали случайно?

Тюря заливался противным смехом, взмахивая руками:

– Шамахана этого, что ко мне приставлен был, уговорил личину мою принять, а потом шнурочек ему на шею накиннул да и придушил маленько и на вожжах в конюшне и повесил. Нате вам казначея Тюрю, хороните, родимого!

– Да ты что же, гад, делаешь?! – без акцента заорал ротмистр.

Я привстал, схватив за руку Калымдая, потянувшего саблю из ножен:

– Ты, скотина, что натворил?!

– А что я? А что? – засуетился Тюря. – Я же, как лучше хотел. Теперь меня и никто искать-то не будет, а я на благо Кощея нашего батюшки, много еще пользы могу принести.

Я устало опустился на землю, бросив предупреждающий взгляд на ротмистра.

Поворотец, однако... Особой пользы от Тюри я уже не видел, но пригодиться нам он еще мог.

– Ладно, морда казначейская, возвращайся в город и сиди там тихо, понял?

– Понял, батюшка, как не понять? Не извольте уж беспо-

коиться, всё выполню как надо, всё сделаю.

Тюра поспешно вскочил и шмыгнул в кусты.

– Твой парень был? – тихо спросил я Калымдая.

– Мой. Ты уж не сердчай, Федор Васильевич, а зарезу я казначея.

– Потерпи, Калымдай, потерпи немного. Нужен он нам еще. Вот закончим дело и забирай его себе.

Калымдай помолчал, а потом протянул тоскливо:

– Мы с Бодуханом, не один пуд соли съели. Сам его выбирал, растил, учил всему, что сам знал и вот... Оплошал Бодухан, не разглядел пса этого поганого...

Михалыч, выбравшийся из шалаша, похлопал Калымдая по плечу:

– Эх, паря... Жизнь, что уж тут поделать. А за бойца твоего отомстим, уж не сумлевайся.

– Ладно, вечереет уже, – сказал я. – А задачка у нас еще есть одна. Лично батюшкой Кощеем дадена. При отделении милиции у бабы Яги в тереме кот черный обитает.

– Есть такой, – кивнул ротмистр. – Здоровая такая зверюга.

– Ага, он. И есть у Кощея подозрение, что этот котик запросто может быть одним из демонов ада, под кота маскирующийся. Надо нам доподлинно выяснить так это или нет. Дело это первостепенной важности. Есть идеи?

– Умыкнуть его надо, – предложил Михалыч, – а там уже эти самые... хвост ему в тисках зажмём, сразу голубчик рас-

колется!

– Не, – покачал головой Калымдай, – в тереме, да и во дворе постоянно кто-нибудь ошивается. Тихо не получится, а шуметь нам пока не стоит. Это вот если выманить кота куда-нибудь...

– Кошку симпатичную соседям подарить. Или валерьянкой за забором побрызгать. – Выдал вариант я, но тут же помотал головой: – Не, бред какой-то.

Мы замолчали в раздумье.

Из своего шалаша вышла Маша и томной походкой подошла к нам.

– Маша, как кота из милицейского отделения выкрасть?

– Могу облачком туманным обернуться и в терем проскользнуть.

– Не годится, – покачал головой Михалыч, – там бабка колдовская, небось сразу чужую магию почует.

– Да и выгаскивать кота как? Облачком?

– Могу дождаться, пока он по крыше гулять будет и подлететь, схватить и унести.

– Это разве что ночью, а днем обязательно заметит кто-нибудь. А кто его, скотину лохматую знает, будет он по ночам по крышам гулять? Эдак не одну ночь сторожить придется.

Маша пожала плечами:

– Ну не знаю тогда. Вечно мужчины всё усложняют.

Потеряв интерес к беседе, она шагнула в сторону.

– Ты куда?

– Променад вечерний сделаю. Для фигуры полезно.

Я махнул рукой, а она не спеша пошла между деревьев, часто останавливаясь, срывая листики или травинки и, растирая их в ладонях, с интересом приносиваясь.

Мы снова замолчали.

Уже совсем стемнело, появились злющие комары, но Михалыч, достав из кожаного поясного кошелья какую-то баночку, мазнул мне запястья, ноги и лоб вонючей зеленой мазью и комары с обиженным писком умчались в поисках другого ужина.

– Ладно, – поднялся я на ноги, – уже баиньки пора, завтра с котом что-нибудь решим. Утро вечера мудренее.

Вдруг со стороны, куда ушла Маша, послышался мужской голос:

– Вай какая дэвушка! Зачэм одна ходишь? Пайдём са мной, будем кумыс пить, я тибя на дуде научу играть!

Михалыч хихикнул, я с любопытством стал вглядываться в полумрак, а Калымдай только покачал головой.

Я махнул рукой:

– Пошли, посмотрим, интересно же.

Маша стояла, разглядывая какой-то листочек, а рядом с ней, озабоченным кобелем, нарезал круги невысокий кривоногий шамахан. А недалеко от них уже собралась стайка ордынцев.

– Пайдём-пайдём, Маша-ханум, не пажалеешь! Я тибе

что-то пакажу! – шамахан попытался обнять Машу за талию.

Только у Маши было своё видение развития событий.

Взяла она ордынца рукой за грудки, не выпуская листика из другой и подкинула его вверх. Не высоко, чуть выше верхушек деревьев. Ничего страшного, я сегодня и повыше летал и не возмущаюсь же. А шамахан почему-то завизжал, руками замахал и визжать не перестал даже когда, обламывая ветки, вниз полетел. Пересчитал он все ветки головой, приложился крепко о землю, полежал тихонько, а потом как вскочит и зайчиком таким серым между кустов шмыг! И только и видели его.

А Маша вальяжно так к оставшимся шамаханам поворачивается и клыками в лунном свете поблескивает:

– Еще кавалеры есть девушку по лесу погулять? Силь ву пле, мсье.

Желающих не было почему-то.

Распрощавшись с Калымдаем и посмеиваясь, мы с Михалычем вернулись в наш шалаш и я, кое-как устроившись на шкурах, довольно быстро заснул.

* * *

А снились мне мои ребята-геологи, сидевшие у костра в обнимку, почему-то с лохматым медведем, который доставал из-за спины пузатые бутылки с коньяком и передавал их ребятам по кругу. А потом прибежал скелет и, размахивая

саблей, стал прыгать вокруг костра, отбивая на пиратский манер горлышки у бутылок.

А медведь вдруг подымается, подходит ко мне, хватая за плечи и давай трясти, рыча при этом:

– Господин генерал! Федор Васильевич, просыпайтесь!

– А?! Что?!

Я вскочил, еще толком не проснувшись:

– Сколько времени?

– Едва за полночь перевалило, господин генерал.

– Чего ж ты меня будишь? Что случилось?

– Пойдемте скорее, Федор Васильевич, из Лукошкино боец прибежал со спешным сообщением.

Прихватив проснувшегося от шума Михалыча, я вышел из шалаша.

Возле снова запаленного костерка, переминался с ноги на ногу запыхавшийся шамахан.

– Докладывай, – кивнул я ему.

– Мылыция са стрэльцами идут к дияку обыск дэлать, – выпалил он.

– Ночью?!

Шамахан закивал:

– Савсем-савсем бешаный мылыция! Кричит, ругается, Мытька сваего по галаве бьёт!

– Иди, перекуси, – скомандовал ему Калымдай, – молодец.

– На ночь гляючи-то задергались, а? – повернулся я к нему.

Калымдай потёр руки:

– Вот и хорошо, засуетились наконец-то. Вот только ребята боярина Мышкина к дьяку в дом перетащили. Найдут его.

– Да и пусть находят, – махнул я рукой. – Что он им рассказать может? Ну, признается, что сундук спёр, ну скажет, что дьяк его на это подбил. А где дьяк? А как сундук у Тюри оказался? Сплошные загадки для милиции. А сам Мышкин нам вроде и не нужен уже?

– Не нужен. Только, Федор Васильевич, они же сейчас ход наш тайный найдут.

– Да проблема... Хотя... Ты всё равно этот ход в основном для переброски ордынцев использовал, так? Ну вот. А сколько сейчас наших в городе?

– Ордынцев бойцов двадцать будет да моих парней пятеро.

– Ну, два десятка ордынцев нам с головой хватит, если потребуется шум навести, так что ход твой нам особой роли и не играет. А вот найдёт его участковый... Ведь найдёт?

– Обязательно. Мы ход не прятали особо.

– Вот. Найдёт. А потом, как думаешь, пойдёт он сразу по этому ходу проверить, куда он идет да что там на той стороне?

– Я бы пошел, – пожал плечами Калымдай.

– Хорошо. Выйдет он из лаза, пройдет немного по лесу и наткнется на эту поляну.

– Так, – еще непонимающе кивнул головой ротмистр.

– Так давай, Калымдай, мы на ту поляну шамаханов и посадим. С песнями, плясками да кострами! Глянет участковый, а Орда вот она уже под носом!

Калымдай засмеялся и побежал к своим, а я не спеша направился к поляне, обдумывая одну идею, которая внезапно мелькнула в голове.

– Михалыч? – окликнул я негромко.

– Чаво, внучек? Тут я, – рядом со мной проявилась во мгле фигура деда.

Я засмеялся:

– Михалыч, а я кажется знаю, как нам кота прищучить!

– А я ить в тебе никогда и не сумлевался, – закивал он головой. – И как же?

– Тащи сюда нашего бравого ротмистра, покумекаем вместе.

Дед зашаркал по траве на поляну, где уже суетились шамаханы около разгорающегося большого костра.

– Господин генерал? – подскочил ко мне Калымдай, опередив идущего сзади Михалыча.

– Сколькo у нас, как думаешь, есть времени до прихода милиции?

– Ну, пока они ход обнаружат, пока по нему дойдут до нас... Час точно есть.

– Отлично... Смотри, что я надумал. Следи за мыслью, поправляй. Вот, к примеру, если они пленного у нас возьмут, куда его отведут, в царскую тюрьму или к себе в отделение?

– Ночью? В отделение навверняка. У них там поруб надежный есть.

– Ага. А допрашивать когда будут?

– Ну, пока тащить к себе будут, может и поспрашивают, но совсем не много, а основной допрос уже завтра проведут. А что, господин генерал?

– Погоди-погоди... Допрашивать обязательно у себя будут, значит. По крайней мере, сначала, так?

Калымдай всё еще непонимающе кивнул.

– А это значит, что пленник в самую серёдку милицейского отделения попадет и участковый и бабка и все остальные, включая кота, там будут, понимаешь?

– Ближко к коту подобраться сможет... – задумчиво протянул Калымдай.

– Точно. Теперь бы нам придумать, как кота на демонскую сущность проверить и дело в шляпе.

– Так это не сложно, – хмыкнул ротмистр, – перекрестить кота и всех делов.

– А это возможно? Ну, я про то, что вы же должны креста бояться, так? Не обижайся только.

– А чего обижаться? – и Калымдай размашисто перекрестился, лишь слегка поморщившись. – Я и в церковь зайти могу, только не долго.

– Отлично! Теперь надо найти надежного бойца, только...

– Что?

– Только опасное это дело. Не факт, что получится, а го-

лову там сложить запросто можно.

Калымдай выпрямился:

– За ради батюшки Кощея, мы как один на смерть готовы пойти!

Он тихо свистнул, прошептал что-то выскочившему буд-то из под земли шамахану и через минуту перед нами стоял десяток бойцов ротмистра.

– Так, парни, – Калымдай прошелся перед строем. – Дело у нас важное, но очень опасное. Нужен доброволец.

Строй, как один человек, шагнул вперед.

Калымдай, гордо покосившись на меня, ткнул пальцем:

– Ты, Карабух. Остальные разойтись.

Шамаханы растворились в темноте, а Калымдай с Карабухом уселись на корточки. Мы с Михалычем пристроились рядом. Раздался шорох. Маша. Подойдя к нам, она осталась стоять, внимательно прислушиваясь, как Калымдай разъясняет задачу своему бойцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.